

УДК 81

doi: 10.26907/2541-7738.2020.5.144-158

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА НОМИНАЦИЙ ДОМОВЫХ ЖЕНСКОГО ПОЛА В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ

Н.С. Ивашина

Московский энергетический институт, г. Москва, 111250, Россия

Аннотация

Статья посвящена диалектным номинациям домовых женского пола в разных регионах России. Если в современном представлении о хранителе дома доминирует существо мужского пола, то в русской диалектной картине мира отводится значительное место женщине-домовому – образу, мало известному современнику. Итогом исследования является семантический портрет этого мифологического существа, созданный как совокупность сем, выявленных в результате анализа внутренней формы лексем (В. Гумбольдт, А.А. Потебня, Н.Ф. Алефиренко). Были рассмотрены три наиболее интересные с точки зрения мотивации лексико-семантические группы названий женщины-домового: по месту обитания, по характерным действиям, поступкам и по внешним признакам (цвет, наличие шерсти и пр.). Особое внимание уделяется тому, как в данных диалектизмах отражен национальный гендерный стереотип (А.В. Кирилина, Л.В. Маркина).

Ключевые слова: домовой женского пола, внутренняя форма слова, семантический портрет, этимологическое значение, гендерный стереотип

В отечественной науке фигура домового находится в поле зрения в основном фольклорно-литературных, историко-этнографических и мифологическо-эзотерических исследований. Этой проблемой занимались знаменитые русские фольклористы и этнографы В.И. Даль (Даль), М.И. Забылин [1], Б.А. Успенский [2], Э.В. Померанцева [3]. Среди современных исследователей – Н.А. Криничная [4], Т.Г. Голева [5], Е.Е. Левкиевская [6] и др. Однако лингвистов, исследовавших диалектные номинации этого мифологического существа, очень мало. Среди них – О.А. Черепанова [7], Е.Л. Березович [8] и пр. Важно отметить, что некоторые реакции на стимул «домовой» в ассоциативном словаре свидетельствуют о том, что дух дома представляется как существо мужского пола: «деловой», «ленивый», «угол», «хозяин» (РРАС, с. 174), в то время как в русской диалектной картине мира существовал как мужской, так и женский гендерный стереотип домового.

Задача данного исследования не только систематизировать номинации домового-женщины на основании их внутренней формы, но и выявить семы, отражающие национальный гендерный стереотип, и, в конечном счете, реконструировать образ хранительницы дома, составив ее семантический портрет.

Под гендерным стереотипом вслед за А.В. Кирилиной и Л.В. Маркиной мы понимаем «культурно и социально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов... отражение гендерной стереотипизации на всех уровнях языка, а также ее тесную связь с формами выражения оценки в языке» [9, с. 246]. Так как данное явление отмечается в языке, связано с ним, эти стереотипы могут быть выражены с помощью анализа различных языковых единиц, к примеру, бранных номинаций [9, с. 247].

Основная концепция, лежащая в основе гендерных стереотипов в русских говорах, заключается в гораздо меньшей значимости женщины в сравнении с мужчиной: принижение женского интеллекта, физической силы, нравственности, а также обслуживающий характер женского труда [9].

Источником фактического материала являются зафиксированные в диалектных словарях (АОС; СРГЮП; СРНГ; СГРС; СВГ; СПГ), отобранные методом сплошной выборки в соответствии с тремя группами мотивации (место, действие и внешние признаки) записи носителей русских народных говоров.

Проблема внутренней формы слова решается в трудах следующих ученых: В. Гумбольдта [10; 11], А.А. Потебни [12; 13], Ю.С. Маслова [14], Н.Ф. Алефиренко [15], А.А. Зализняк [16] и пр. Впервые теория внутренней формы была описана В. Гумбольдтом в 1836 г. В его учении для нашего исследования важно, что язык является деятельностью, трансформирующей внешний мир в собственность «духа народа», некой психической субстанции, которая сначала объективируется во внутренней форме, а потом воплощается в языке [11, с. 83].

В отличие от В. Гумбольдта, А.А. Потебня в своих исследованиях уделяет внимание внутренней форме слова, а не языка. Ученый выявляет ментальный механизм преобразования внешней формы слова, или фонетической, во внутреннюю. В данном процессе принимает участие лишь один признак осознаваемого человеком предмета. К примеру, в образе стола таким признаком является наличие плоскости и допустимость стлать что-либо на ней [12, с. 96]. Соответственно, этимологическое значение данного слова содержит сему 'стлать'. Подобным образом слово *туча* имеет признак льющейся жидкости, ведь корень *-ту-* означает 'пить, лить', а слово *окно*, связанное с словом *око*, имеет признак смотрящего глаза [12, с. 97]. Однако внутренняя форма, по мнению А.А. Потебни, представляет собой вовсе не этимологическое значение, а его связь с общепринятым представлением о предмете, то есть отношение содержания мысли к сознанию [17, с. 98]. Так, внутренняя форма слова *туча* – это соотношение всего образа тучи и наличия жидкости. Таким образом, по А.А. Потебне, внутренняя форма слова есть выделенное народным сознанием одно ключевое свойство предмета (этимон), соотнесенное с обобщенным полным представлением об этом предмете и воплощенное в звуковом облике слова (внешняя форма). Концепция А.А. Потебни незаменима при анализе внутренней формы слова с производной основой или в случае затемненного значения производящего слова.

Н.Ф. Алефиренко считает, что внутренняя форма слова не ограничивается лишь концептом, эмосемой или этимологическим значением. Он характеризует данное явление так: «Это своего рода речемыслительный кентавр, фокусирующий

в себе один из признаков этимологического образа, модально-оценочный элемент эмосемы и отдельные смысловые гены концепта» [15, с. 136].

Ю.С. Маслов считает, что базовую часть внутренней формы большинства слов составляет мотивировка [14, с. 122]. Данное понятие дает некоторое обоснование звуковой оболочки слова. Так, мотивированными являются слова *столяр* (делает столы) или *кукушка* (кричит 'ку-ку'). В том случае, если слово не имеет очевидной мотивировки, оно является немотивированным (*орел*, *слесарь* и пр.) [14, с. 123].

Таким образом, по мнению Ю.С. Маслова, внутренняя форма слова – содержащийся внутри него след того движения мысли, которое присутствовало во время появления слова [14, с. 81].

В нашем исследовании мы опираемся на определение внутренней формы слова А.А. Зализняк, суммирующей точки зрения разных ученых: это осознаваемая говорящими мотивированность значения слова данного языка значением составляющих его морфем (Н.Ф. Алефиренко) или исходным значением того же слова, то есть образ или идея, положенные в основу номинации (А.А. Потебня); иногда в том же значении используется термин «мотивировка» (Ю.С. Маслов) [16, с. 42].

Семантический портрет – это структура, состоящая из групп сем, объединенных по тематическому принципу [18, с. 72]. Наш семантический портрет женщины-домового представляет собой совокупность сем, найденных в этимологическом значении номинаций и таким образом обуславливающих их внутреннюю форму. Большинство диалектных названий домового-женщины мотивированы производящей основой. В статье представлены только три наиболее многочисленных и интересных с точки зрения гендерного стереотипа группы подобных номинаций: 1) номинации, мотивированные семантическим признаком 'место'; 2) номинации, мотивированные семантическим признаком 'характерное для домового действие'; 3) номинации, мотивированные семантическим признаком 'внешность'.

1. Номинация мотивирована семантическим признаком 'место'. К этому типу относятся названия домовых женского пола, обитающих в доме и прилегающих к нему дворовых постройках, а также на освоенных для хозяйственных нужд угодьях: в огороде, в поле, на лугу. Такие номинации, как *доманя* (*домаха*), *домовилиха* (*Дон.*), *домовиха* (*Арх.*), соотносятся со словом *дом* (о женской символике дома см. [19, с. 37–38]). Так внутренняя форма подчеркивает один из важных компонентов значения – 'относящийся к дому'. Если обратить внимание на суффиксы, с помощью которых образованы лексемы, то можно выявить некоторые различия в их семантике. В частности, *доманя* приобретает ласкательное значение (НСРЯ, т. 1, с. 48), *домаха* – стилистически сниженное значение (пренебрежительно-оскорбительный оттенок) (НСРЯ, т. 1, с. 24).

Приведем примеры: *Домовилиха тебя заberi* (СРНГ, т. 8, с. 119) // *У моей тётки бык был. Вот я как-то ночью пошла во двор, а там сидит старуха, быка гребнем чёшет: «У, милой, милой!» А сама с виду, как хозяйка, тётка моя. А я прихожу домой, а тётка на пече лежит. Вот, видать, то домовиха была* (СГРС, т. 3, с. 249).

Хозяйка (Хар.) и домовая хозяйка (Арх.) также имеют прямое отношение к дому. О хозяйке: *А коли баба – домовой, то хозяйка будет. У нас в доме хозяин с хозяйкой живёт. Иной раз цюю, на пеце кто-то постукивает эдак-то: тук-тук. То хозяин хозяйку греться зовёт. Хозяйка эта у нас за печью скреблась* (СВГ, т. 11, с. 199) // *Сколько у меня семей, столько и у ней, ф каждой байны йесь своя семья: хозяин и хозяйка да дети* (АОС, т. 11, с. 386).

Соседка (Якут.) и бабушка-соседушка (Арх.) – духи, обитающие в доме (СРНГ, т. 40, с. 41; СГРС, т. 1, с. 34). Рассматриваемые лексемы имеют общеславянский корень **sosědъ*, соотносительны с *sъsěděti* ‘сидеть рядом, жить вместе’, в котором *съ* ‘вместе’, а *sěděti* ‘сидеть’ (КЭСРЯ, с. 422). Именно поэтому номинации с корнем *-сосед-* мы включили в эту группу.

Так, внутренняя форма раскрывает значение номинаций: *соседка* и *бабушка-соседушка* – духи, живущие вместе с людьми. Приведем пример: *И дедушко-соседушко, и бабушка-соседушка – им обоим почёт одинаковый, их вместе звать за собой надо* (СГРС, т. 1, с. 34). Стоит отметить, что *бабушка-соседушка* имеет ласкательное значение благодаря суффиксу *-ушк-* (НСРЯ, т. 2, с. 888). Таким образом, можно сделать вывод, что внутренняя форма данных номинаций очевидна для современных носителей языка.

Важно подчеркнуть, что к женщине пожилого возраста, то есть бабушке, отношение в крестьянской семье было несколько мягче, чем к молодым женщинам. Она имела определенную власть: распределяла труд между другими женщинами, имела ключи от всех домашних помещений и наблюдала за хозяйством [20, с. 76].

Погребница-пыхтелка (Сев.-Двин.), по суеверным представлениям, обитает в погребе и пожирает людей (СРНГ, т. 27, с. 312). *Погреб* – производное от *погребати* ‘копать’. *Погреб* буквально – выкопанная и покрытая яма (КЭСРЯ, с. 346). От него образуется имя существительное *погребница* (*погребница*) – строение над погребом (НСРЯ, т. 1, с. 1018). Любопытно, что, по мнению некоторых исследователей, все отверстия в доме (дымоход, двери, окна, чердак, подполье) являются путями в мир «иной». Погреб, или подпол, не исключение [4, с. 180].

Слово *пыхтелка* происходит от глагола *пыхтеть*, восходящего к звукоподражательному *пы* (Фасмер, т. 3, с. 421). Внутренняя форма слова указывает на тот факт, что данный мифический персонаж издает звуки вроде «пых», то есть пыхтит: ***Пыхтелка*** *зла не делает человеку, только спать не даёт ему, всё пыхтит вот так: пых-пых-пых* (СВГ, т. 8, с. 116).

Другим излюбленным местом домового является печь. *Калёная печка (Свердл.)* и *печая (Эст. ССР)* в суеверных представлениях обитали на печи: ***Печая*** *не любит, когда ночью топят. Она хозяйка печки* (СРНГ, т. 26, с. 346) // ***Калёная печка*** *поймает тебя* (СРНГ, т. 27, с. 7). Отглагольное прилагательное *калёная* происходит от *калить* ‘сильно нагревать, раскалять’ и образуется с помощью суффикса *-ён-* (Фасмер, т. 2, с. 168). Так, номинация *калёная печка* подчеркивает символическое значение домового как персонификацию духа огня, сосредоточием которого была печь. Печь олицетворяла хозяйку дома настолько, что даже многие ее детали назывались так же, как части тела или элементы одежды женщины. Так, например, лексема *грудка*, помимо основного значения ‘женская грудь’, является еще и 1) печью для отопления помещения

(Ряз.), а также 2) лежанкой около печи (*Ленингр., Карелия*) (СРНГ, т. 7, с. 161). Возможно, данный перенос возник по функции: печь в доме, подобно женской груди, воспринималась как кормилица [21, с. 483].

Углы дома имели сакральное значение. В четырехугольной структуре крестьянского жилища углы именовались так: передний (мужской), печной, куть (женский) и задний, или дверной [22, с. 15]. *Куть*, или бабий кут [23, с. 218], считался сугубо женским углом, так как там располагалось все необходимое для приготовления пищи. Мужчинам же было зазорно заниматься подобными женскими делами, поэтому в эту часть дома они не заступали. Более того, женщина, проводившая в своем углу немало времени за готовкой, даже не садилась за стол со всей семьей. Считалось, что, если хозяйка стоит у печи голодной, обед будет вкуснее [23, с. 232]. По народному поверью, в этом углу обитала *кутинья* (*Сев.-Двин.*) (СРНГ, т. 16, с. 169). Слово *кутинья* образовано от существительного **kоть* 'угол, укрытие' (ЭСРЯ1, т. 2, в. 8, с. 460).

По мнению многих ученых, пространство домового не ограничивается только домом. Оно включает в себя еще и прилегающие к нему места: баня, двор, овин, сарай, огороды, даже поля и степи, то есть все места, освоенные человеком и используемые в хозяйстве [24, с. 150; 2, с. 162; 3, с. 95].

В крестьянском быту было четкое разделение ролей между мужчиной и женщиной. Мужчины занимались земледелием, строительством, охотой, рыболовством, заготовкой дров. Женщины вели домашнее хозяйство, растили детей, ухаживали за скотом, садом, огородом. Они собирали ягоды, травы, грибы, орехи, а также пряли, ткали, вязали. И только в поле работали абсолютно все: «...Выходили все, кто мог работать: и мужики, и бабы, и стар, и млад» [23, с. 204].

Двор охраняют такие духи, как *дворовуха* (*Арх.*), *дворуха* (*Арх.*), *матушка-подворёнка* (*Волог.*), *дворовая матушка* (*Арх.*). Упомянутые номинации соотносятся с индоевропейской по происхождению лексемой *двор*. Интересно, что *двор* и *дверь* происходят от одного корня, то есть *двор* – то, что находится за дверьми, воротами (ЭСРЯ1, т. 1, в. 5, с. 28). *Дворуха* и *дворовуха* имеют словообразовательный суффикс *-ух-*, что придает им стилистически сниженное значение. В противовес им *матушка-подворёнка* и *дворовая матушка* обладают уменьшительно-ласкательным значением благодаря суффиксам *-ушк-* и *-ёнк-*.

Приведем примеры: *Батюшка-подворничек*, *матушка-подворёнка*, *пои*, *корми скотинушку и на каждое место спать пускай* (СГРС, т. 7, с. 254) // *Дворовых люди просят: «Дворовый батюшка! Дворовая матушка! Отпустите мою коровушку Чернобурёнушку в стадо божье, попить, поесть да домой прийти»* (СГРС, т. 3, с. 186).

Баня была особенным местом в крестьянской жизни. Там не только мылись, но и стирали, гадали, лечили, принимали роды, пускали на ночлег туда случайных путников. *Банница*, *банища* (*Волог.*), *баиня баушка* (*Перм.*), *баенка-пустохороминка* (*Арх.*), *банная жихоня* (*Беломор.*), *нечисть банная* (*Волог.*) охраняли баню и в случае неправильного поведения могли даже убить.

Особый интерес с лингвистической точки зрения представляет мифический персонаж *баенка-пустохороминка*. Слово *пустохороминка* соотносится с лексемами *пустой* и *хоромы*. Слово *пустой*: праслав. **pustь* родственно др.-прусс. *paustre* 'дикое место' (КЭСРЯ, с. 374). Слово *хоромы*: из др.-вост.-слав.

**хортъ*, заимствовано из лтш. *kārms* ‘постройка’ (Фасмер, т. 4, с. 265). Таким образом, внутренняя форма раскрывает нам этимологическое значение *баенки-пустохороминки*: это дух, обитающий в страшной деревянной постройке, под которой подразумевается баня. Люди шептали такой наговор, чтобы нечистая сила не пугала моющегося: *Баенка-пустохороминка, пусти помыться* (СГРС, т. 1, с. 40).

Слово *жихоня* образовано от глагола *жить* (Фасмер, т. 4, с. 265). Существует и мужской эквивалент данной номинации: *жихорько, жихарь, жихорюшко* (СРНГ, т. 9, с. 199–200). Одно из значений однокоренного слова *жихарь* – ‘житель, жилец, а также само хозяйство, дом’ (СРНГ, т. 9, с. 198). Интересно, что главный герой *жихарка* в одноименной русской народной сказке всегда остается дома «домовничать», выполняя функции домового, в то время как другие персонажи (петух и кот) охотятся (Жих.).

Так, *банная жихоня*, согласно внутренней форме, есть живущий в бане дух. Причем словообразовательный суффикс *-он-* придает ему ласкательно-шутливый оттенок. Приведем пример: *Вследствие того, что я вставлял фотографические пластинки в банях, среди женского населения Верхней Золотицы распространился слух, что я «банна жихоня» (банный дух)* (СРНГ, т. 9, с. 200).

О банной нечисти: *Вот руки-то негладкие бывают из бани, так это нечисть банная навела* (СВГ, т. 5, с. 108). Внутренняя форма прозрачна.

Сараюха (Волог.) – охранница сарая (СВГ, т. 9, с. 93). Суффикс *-юх(а)* имеет стилистически сниженное, пренебрежительно-оскорбительное значение. О *сараяхе*: *Эта, видно, сараяха скреблась* (СВГ, т. 9, с. 93).

Мякильница (Сев.-Двин.) – по народному поверью, дух плодородия и достатка, обитающий в помещении, где хранится мякина (СРНГ, т. 19, с. 77). Соотносится со словом *мякина*, обозначавшим отходы, получаемые при обмолоте и очистке зерна хлебных злаков, льна и некоторых других культур (НСРЯ, т. 1, с. 885). Переработав остатки, крестьяне получали дополнительный корм для скота. Хранилась мякина в мякиннике, защищающем ее от дождей и снега. О мякине: *Идёт княгиня: на плечах корзина, а в корзине мякина* (ПиП, с. 368).

Стогафья (Волог.), *стогиня* (Сев.-Двин.) – обитательницы стога. Стога сена также были неотъемлемой частью крестьянской жизни. Заготовленные на зиму, они обеспечивали питанием домашний скот, а значит и хозяев. О *стогафье*: *Будешь шалить, дак вот ужко стогафья заберёт // Детей пугали стогафьями, чтоб на сенокос-то не просились* (СВГ, т. 10, с. 122). Возможно, что номинация *стогафья* возникла путем слияния существительного *стог* и личного имени *Агафья* (Агафон) (СЛИ, с. 115).

Изменчивый климат не позволял крестьянам поддерживать хлеба постоянно сухими. Для этого использовали специальное помещение, в котором сушили хлеба, – овин. Его оберегали такие духи, как *овинница* (Арх.), *овинничиха* (Арх.). Говорили: *Не ходи, овинница схватит! Поймает овинница, задавит; космата, волоса длинны* (СРНГ, т. 22, с. 299). Внутренняя форма прозрачна.

Огородничество – также важная отрасль крестьянского хозяйства. Все заботы по огороду, конечно, лежали на плечах женщин: вскопать, удобрить навозом, посадить, полить, прополоть, собрать урожай [23, с. 209]. *Огородница* (Перм.) – дух огорода, которым пугали детей (СРГЮП, т. 2, с. 221). Об *огороднице*: *Ого-*

родница раньше была. В огороде вот пугало сделают, наденут худую рубаху, шапку выворотят. Старинные шапки хохлатые были. Выворотят, её наденут. Штаны ли, ремки насдевают. **Огородницу** поставят, палку-то в землю затолкают // Говорили, что в борозде **огородница** зелёная лежит, а у воды и у ключика росомаха – страшная бабка с чёрными космами (СРГЮП, т. 2, с. 221).

Бобовница (Перм.) – нечистая сила, живущая в огороде, в бобах (СПГ, т. 1, с. 42). Соотносится с общеславянским *боб* (укр. *біб*, болг. *боб*, сербохорв. *бѡб* и пр.) (Фасмер, т. 1, с. 180). О бобовнице: Люди говорят, что, мол, в огороде **бобовница** водится (СРГЮП, т. 1, с. 60) // Сильно нас пугали: «Не ходите. Огородница поймает». Мы боялись её. А бобы поспеют, нас **бобовницей** пугали (СПГ, т. 1, с. 42).

Рожь считалась самой неприхотливой злаковой культурой, так как погубить ее могло только стихийное бедствие. Оберегала этот знак *ржаница* (Волог.) (СВГ, т. 9, с. 55). Приведем пример: Когда рожь поспекает, то появляется *ржаница* в виде девушки с колосками на голове (СВГ, т. 9, с. 50). Соотносится с лексемой *рожь*. Слово *рожь* имеет общеславянское происхождение (КЭСРЯ, с. 392).

Поле являлось значимым местом для крестьян, местом труда и урожая. В полях, по суеверным представлениям, жили *поляница* (Нижегор.), *поляха* (Смол.) (СРНГ, т. 29, с. 190, 192). Слово *поле* общеславянского происхождения. *Поляха* имеет стилистически сниженное значение благодаря суффиксу *-ях-*.

Такое разнообразие номинаций женщины-домового может объясняться двумя причинами. Во-первых, абсолютно вся работа по дому в крестьянской семье выполнялась исключительно женщинами вне зависимости от того, сколько их в семье: две или десять. Во-вторых, крестьянский дом и прилегающее к нему пространство (баня, двор, сарай, огород, поле) были достаточно большими, из-за чего женщинам приходилось трудиться едва ли не больше мужчин [17, с. 75]. Возможно, им были просто необходимы помощь и покровительство извне.

2. Номинация мотивирована семантическим признаком ‘характерное для домового действие’. Домовой имеет двойственную природу. С одной стороны, он помогает, охраняя дом, а с другой – совершает проделки и наказывает своих нерадивых домочадцев. По мотивирующему глаголу можно определить, какие действия типичны для женщины-домового.

Источником негативной оценки домового является злое или бессмысленное действие, мотивирующее название духа.

Отрицательные действия совершают такие домовые женского пола: *обдери́ха* (Арх.) – обдирает; *подави́ха* (Перм.) – давит; *мека* (Смол.) – мекает (издает звук «ме»), говорит нечленораздельно, с остановками, с трудом подбирая слова (НСРЯ, т. 1, с. 824); *верещи́ха* (Волог.) – верещит; *задери́ха* (Арх.) – задирает; *зализу́ха* (Арх.) – лижет; *секуни́ха* (Свердл.) – сечёт; *пугалка* (Горьк.), *пужанка* (Якут.) – пугает; *пыхтелка* (Волог.) – пыхтит; *гнётка* (Олон.), *гнетеница* (Олон.), *гнютеница* (Олон.), *гнетейя* (Арх., Влад.) – гнетёт; *хитница* (Волог.) – похищает; *блудница* (Перм.) – блудит; *букари́ца* (Тобол., Курган., Арх.), *буканка* (Калуж., Перм.), *букарка* (Нижегор.) – букает (‘шуметь, пугать’ (ПЦСС, с. 61));

суторма (Брян.) – суторит ('говорить пустое' (Даль, т. 4, с. 333); турусалка (Волог.) – турусит ('бредить, говорить вздор' (СРНГ, т. 45, с. 282)).

Приведем примеры: *Обдериха-то, в новой бани нет её. Пока невесту не сводят, нету обдерихи. А как невесту заведут, дак заходит* [4, с. 60] // *Не торопись, когда ешь-пёшь, не то подавиха к тебе придёт* (СРГЮП, т. 2, с. 354) // *Не ходи в тёмную комнату, там мека съест* (СРНГ, т. 18, с. 94) // *Верещихой пугали, убежим купаться, а старуха шубу перевернула, вересину взяла, дак мы испугались, ой, верещиха идёт* (СГРС, т. 2, с. 62) // *Баня была чёрным местом, обдериха жьлá. Ходило такойе поверье, один попросился в баню ночевать. Рас попросился, она йевó и бережóт, обдериха, да задериха, фсяко звали* (АОС, т. 16, с. 234) // *В колодец зализуха зализнёт, утащит* (СГРС, т. 4, с. 116) // *Пыхтелка зла не делает человеку, только спать не даёт ему, всё пыхтит вот так: пых-пых-пых* (СВГ, т. 8, с. 116) // *Заговорив о суседке, вам расскажут ещё о какой-то букарице, которая обитает чуть ли не в том же подполье* (СРНГ, т. 3, с. 263) // *Худо было тем, к кому турусалка приходит* (СВГ, т. 11, с. 77) // *Седить суторма на печи, а проява на полу. А я суторму заряжу, а прояву задавлю* (СРНГ, т. 42, с. 319).

Отдельного внимания требует номинация *вунтериха* (Урал.). В русском фольклоре *вунтериха* – нечистая сила, которой пугают детей: *Вунтериха съест* [25, с. 128]. Этимология данного слова не ясна. Мы полагаем, что оно происходит от пермяцкого корня *вунд*, что означает 'жать' (ПРС, с. 32).

К домовым, совершающим **положительные** действия, можно отнести следующие номинации: *вещунья* (Калуж.) – вещает; *думова* (Урал.) – думает; *мотовилиха* (Волог.) – мотает; *жареница* (Волог.) – жарит. Приведем примеры: *Плохо предёшь – мотовилиха накажёт, а кака така мотовилиха – никто не знает* (СГРС, т. 7, с. 342).

3. Номинация мотивирована семантическим признаком 'внешность'. Русский домовый часто в поверьях предстает обросшим шерстью, длинными волосами или мхом. При этом шерсть животного считалась атрибутом зооморфного признака и символом достатка и плодородия [26, с. 492]. С шерстью связаны следующие домовые женского пола: *волосатка* (Арх.) и *мохнатка* (Волог.).

Волосатка (Арх.), по всей вероятности, имеет общее происхождение с древнерусским богом Волосом (СРНГ, т. 5, с. 58). Происходит от **volъ*, той же основы, что и др.-рус. *володь* 'волосы на голове' (ЭСРЯ1, т. 1, в. 3, с. 150). Если обратиться к живописи или литературе, то можно заметить, что длинные волосы, заплетенные в косы, являются одним из важнейших атрибутов крестьянской женщины. О *волосатке*: *Легкая лодка скользнула в ракитник. Раздвинула куст Волосатка, пустилась домовиха по полю ко двору к Домовому* (Рем., с. 174).

Мохнатка (Волог.) – мифологическое существо, которым пугали детей (СГРС, т. 7, с. 346). Данная номинация мотивирована словом *мохна* 'пучок волос, перьев', имеет общеславянское происхождение, является родственной слову *мох* (ЭСРЯ1, т. 2, в. 10, с. 666). О *мохнатке*: *Мохнатка придёт, в болото тебя утащит* (СГРС, т. 7, с. 346).

Цвет также имел символическую трактовку в славянской мифологии. Так, красный цвет считался цветом жизни и плодородия. Домовые также часто

представлялись одетыми в красную одежду [27, с. 481]. Другие исследователи связывают красный цвет с огнем [28, с. 97; 4, с. 119].

Красная баба (Волог.) – мифическое существо, которое насыляет болезнь (СГРС, т. 6, с. 135). Прилагательное *красный* символизирует высокую температуру, горячку, сопровождающую болезнь. Именно поэтому детали одежды женщины-домового тоже красные: *Кумаха – горячая болезнь, вся кровь так и кипит; её красная баба насыляет, она весь век в красном // В поле иногда красная баба ходит, сарафан дугой, а в косе красна лента, кто красную бабу увидит, скоро умрёт* (СГРС, т. 6, с. 135).

Меденица (Волог.) – мифическое существо в виде женщины в красном сарафане (СГРС, т. 7, с. 261). Номинация соотносится со словом *медь*. Предположительно родственно др.-исл. *smidr* ‘ремесленник, кузнец’, д.-в.-н. *smid* ‘кузнец’, *smida* ‘металл’ и пр. (Фасмер, т. 2, с. 591). О *меденице*: *Свекрови моей меденица привиделась: иду, говорит, на сенокос, впереди баба в красном сарафане с охапкой дудок под мышкой, еле жива домой прибежала* (СГРС, т. 7, с. 261). Очевидно, дух получил такое название из-за красного оттенка, которым обладает медь. Медь имеет «сакральную» символику в связи с ее цветовыми характеристиками и пластическими свойствами. Коми-пермяки называют медные предметы «красными». Сам цвет обладает апотропейной семантикой в их народной культуре [5, с. 74].

Железнячка (Перм.), железнячка (Перм.) – духи, обитающие в огороде. Общеславянское слово (родственно слову *железо*) восходит к основе **gel-*, которая означала ‘камень’, так как железо в породе имеет вид камня (ЭСРЯ2, с. 131). По мнению Е.Е. Левкиевской, «*железо* – один из древнейших металлов, имеющий высокий сакральный статус в народной культуре и используемый в защитной и медицинской магии» [6, с. 159]. Стоит подчеркнуть, что огонь, вода, земля (дерево, камень), железо относятся к важнейшим элементам природы. Неудивительно, что многие исследователи считают, что домовый является их персонификацией [4, с. 46].

Часто домовые приобретают зооморфные признаки и предстают в виде животных. Так, *ужачка (Дон.)* имеет два значения: 1) уж, неядовитая змея, 2) мифическое существо, живущее во дворе дома (СРНГ, т. 46, с. 331). Мы полагаем, что данное слово соотносится с лексемой *уж*. Праслав. **ožь* родственно др.-прусс. *angis* ‘змея’, лит. *angis, aĩgį* ‘ядовитая змея’ и пр. (Фасмер, т. 4, с. 150). Такой метафорический перенос облика с животного на мифическое существо отмечается и исследователями [4, с. 32].

Домовые мужского пола также имеют зооморфные признаки, однако эти существа предстают в виде медведя, ласки или кота, тогда как женщина-домовый приобретает облик ужа, то есть змеи, в природе являющейся пресмыкающимся, хотя и совершенно неядовитым.

Подведем итог. Внутренняя форма номинаций женщины-домового во многих случаях прозрачна: *доманя, дворуха, бобовница, огородница* и пр. Наименования женщин-домовых отражают гендерные стереотипы – устоявшиеся в сознании носителей языка как неприемлемые женские черты, так и одобряемые с точки зрения национальной системы ценностей. Поэтому образ женского домового духа представляется неоднозначным. С одной стороны, есть номина-

ция, указывающая на подчеркнуто пренебрежительно-оскорбительное отношение к таким женским качествам, как излишняя болтливость, ворчливость, вздорность: *ныхтелка, верещиха, мека, турусалка, суторма, букарка, пугалка* и др. В ряде номинаций негативная оценка мифологического персонажа обусловлена наводящими страх и ужас действиями (*гнетка, обдериha, подавиха, хитница, букарка, верещиха, мека*). С другой стороны, есть несколько номинаций, мотивированных названиями положительно оцениваемых действий: *мотовилиха, вещунья, думова, жареница*.

Выбор номинаций пространственных объектов, мотивирующих такие названия женщины-домового, как *кутинья, домаха, сараюха, дворовуха, мякильница, овинница, бобовница* и пр., также продиктован гендерными стереотипами, бытовавшими среди крестьян: именно с этими локусами связаны повседневные женские обязанности – тяжелый труд в доме и во дворе, в огороде и в поле.

В ходе исследования был составлен следующий семантический портрет: домовая женского пола обитает в доме и местах, прилегающих к нему (погреб, печь, угол, баня, двор, сарай, мякинник, овин, огород, стог, поле). У нее распущены волосы, она лохмата, либо ее тело покрыто шерстью (*волосатка, мохнатка*). Женщина-домовая носит красную одежду (*меденица, красная баба*), является персонализацией природных элементов (*железнячка, железнячка*). Основные действия домового женского пола направлены на привлечение внимания хозяев (*ныхтелка*), помощь им (*вещунья, мотовилиха, жареница, думова*) или на запугивание домашних с целью игры либо наказания (*подавиха, пужанка, верещиха*).

Список сокращений

Арх. – Архангельская губерния (область)
Беломор. – Беломорское
Брян. – Брянская область
Волог. – Вологодская губерния (область)
Горьк. – Горьковская область
Дон. – Донское
Калуж. – Калужская губерния (область)
Курган. – Курганская область
Нижегор. – Нижегородская губерния (область)
Олон. – Олонецкая губерния
Перм. – Пермская губерния (область)
Свердл. – Свердловская область
Сев.-Двин. – Северо-Двинское
Смол. – Смоленская губерния (область)
Тобол. – Тобольская губерния
Урал. – Уральское
Хар. – Харьковская губерния (область)
Эст. ССР – Эстонская ССР
Якут. – Якутская АССР

Источники

АОС – Архангельский областной словарь: в 18 т. / Под ред. О.Г. Гецовой. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – Т. 11. – 479 с.; 2015. – Т. 16. – 479 с.

- Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Прогресс-Универс, 1882. – Т. 4. – 712 с.
- Жих. – Жихарка // Под ред. Т. Волковой. – М.: Малыш, 1978. – 9 с.
- КЭСРЯ – *Шанский Н.М.* Краткий этимологический словарь русского языка // Под ред. С.Г. Бархударова. – М.: Просвещение, 1975. – 543 с.
- НСРЯ – *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. – М.: Рус. язык, 2000. – Т. 1: А–О. – 1213 с.; Т. 2: П–Я. – 1084 с.
- ПиП – *Даль В.И.* Пословицы и поговорки русского народа. – М.: Эксмо-Пресс, 2000. – 606 с.
- ПРС – *Рогов Н.* Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. – СПб.: Изд. Акад. наук, 1869. – 415 с.
- ПЩСС – *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь. – М.: Изд. отдел Моск. Патриархата, 1993. – 1125 с.
- Рем. – *Ремизов А.М.* Посолонь // Ремизов А.М. Собр. соч.: в 10 т. – М.: Рус. кн. – Т. 2. – 1996. – С. 56–186.
- РРАС – *Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В.* Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС: в 2 т. – М.: Ин-т яз. РАН, 2014. – Т. 2: От реакции к стимулу. – 793 с.
- СВГ – Словарь вологодских говоров: в 12 т. / Науч. ред. Т.Г. Паникаровская. – Вологда: Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1990. – Т. 5. – 128 с.; 1999. – Т. 8. – 119 с.; 2002. – Т. 9. – 123 с.; 2005. – Т. 10. – 180 с.; 2005. – Т. 11. – 220 с.
- СГРС – Словарь говоров Русского Севера: в 7 т. / Под ред. А.К. Матвеева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – Т. 1. – 252 с.; 2002. – Т. 2. – 292 с.; 2005. – Т. 3. – 388 с.; 2009. – Т. 4. – 358 с.; 2014. – Т. 6. – 342 с.; 2018. – Т. 7. – 400 с.
- СЛИ – *Петровский Н.А.* Словарь русских личных имен. – М.: Рус. яз., 1980. – 384 с.
- СПГ – Словарь пермских говоров: Вып. 1–2 / Под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. – Пермь: Кн. мир. – Вып. 1. – 2000. – 480 с.
- СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья: в 3 т. / Под ред. И.А. Подюкова, С.М. Поздеевой, Е.Н. Сваловой, С.В. Хоробрых, А.В. Черных. – Пермь: ПГПУ, 2010. – Т. 1. – 456 с.; 2012. – Т. 2. – 502 с.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров: в 47 т. / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – Л.: Наука, 1968. – Т. 3. – 360 с.; 1970. – Т. 5. – 343 с.; 2002. – Т. 7. – 526 с.; 1972. – Т. 8. – 370 с.; 1972. – Т. 9. – 363 с.; 1980. – Т. 16. – 376 с.; 1982. – Т. 18. – 367 с.; 1983. – Т. 19. – 359 с.; 1987. – Т. 22. – 368 с.; 1991. – Т. 26. – 350 с.; 1992. – Т. 27. – 400 с.; 1995. – Т. 29. – 346 с.; 2006. – Т. 40. – 346 с.; 2008. – Т. 42. – 330 с.; 2012. – Т. 45. – 343 с.; 2013. – Т. 46. – 349 с.
- Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. – М.: Прогресс, 1964. – Т. 1: А–Д. – 562 с.; 1967. – Т. 2: Е–Муж. – 671 с.; 1971. – Т. 3: Муза–Сят. – 827 с.; 1973. – Т. 4: Т–Ящур. – 852 с.
- ЭСРЯ1 – Этимологический словарь русского языка: в 2 т. / Под ред. Н.М. Шанского. – М.: Изд-во МГУ, 1963. – Т. 1, в. 3. – 283 с.; 1973. – Т. 1, в. 5. – 304 с.; 1982. – Т. 2, в. 8. – 470 с.; 2007. – Т. 2, в. 10. – 400 с.
- ЭСРЯ2 – *Крылов П.А.* Этимологический словарь русского языка. – СПб.: Полиграф-сервис, 2005. – 432 с.

Литература

1. *Забылин М.* Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия: в 4 ч. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2014. – 688 с.

2. *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. – 248 с.
3. *Померанцева Э.В.* Рассказы о домовом // Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. – М.: Наука, 1975. – С. 92–117.
4. *Криничная Н.А.* Русская мифология: Мир образов фольклора. – М.: Акад. проект: Гаудеамус, 2004. – 1008 с.
5. *Голева Т.Г.* Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. – СПб.: Маматов, 2011. – 154 с.
6. *Левкиевская Е.Е.* Железо // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. – М.: Междунар. отношения, 2002. – С. 159–160.
7. *Черепанова О.А.* Мифологическая лексика русского языка: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1983. – 434 с.
8. *Березович Е.Л.* «Кулешы накулесили, накудесили...»: еще раз о происхождении русского диалектного демони́ма кулеш // Демонология как семиотическая система: Тез. докл. IV Междунар. науч. конф. (М., 15–17 июня 2016 г.) – М.: РГГУ, 2016. – С. 19–26.
9. *Маркина Л.В.* Гендерные стереотипы в диалектной коммуникации (на материале бранных номинаций женщин) // Русистика и компаративистика: Сб. науч. тр. по филологии. – М.: Книгодел, 2019. – Вып. 13. – С. 245–254.
10. *Гумбольдт В. фон.* О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях: в 2 ч. – М.: Просвещение, 1964. – Ч. 1. – С. 307–323.
11. *Гумбольдт В. фон.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 2001. – С. 37–298.
12. *Потебня А.А.* Язык чувства и язык мысли // Потебня А.А. Полн. собр. трудов. – М.: Лабиринт, 1999. – Т. 1: Мысль и язык. – С. 90–110.
13. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. – Воронеж: Тип. Н.Д. Гольдштейна, 1874. – Т. 1. – 161 с.
14. *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание. – М.: Академия, 2005. – 304 с.
15. *Алефиренко Н.Ф.* Спорные проблемы семантики. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
16. *Зализняк А.А.* Многозначность в языке и способы ее представления: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2002. – 461 с.
17. *Потебня А.А.* Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 624 с.
18. *Первухина С.В.* Семантический портрет Иисуса Христа в переводе Библии New International Version: Дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2003. – 159 с.
19. *Якушевич И.В.* Символ «дом» в русском языке и поэтическом тексте. – Владимир: Транзит-ИКС, 2018. – 182 с.
20. *Ефименко А.* Исследования народной жизни: Обычное право. – М.: В.И. Касперов, 1884. – Вып. 1. – 398 с.
21. *Якушевич И.В.* Символическая модель «печь – человек» в диалектной лексике // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы XIII Междунар. науч. конф. (Владимир, 24–26 сент. 2019 г.). – Владимир: Транзит-ИКС, 2019. – С. 481–485.
22. *Агапкина Т.А.* Символика освоенного пространства: угол // Пространство и время в языке и культуре. – М.: Индрик, 2011. – С. 13–53.
23. *Рябцев Ю.С.* История русской культуры. Художественная жизнь и быт XI – XVII вв. – М.: Владос, 1997. – 336 с.

24. Ушаков Д. Материалы по народным верованиям великоруссов // Этнографическое обозрение. Год 8-й, 1896. – М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1897. – № 2–3, кн. 29–30. – С. 146–204.
25. Власова М. Энциклопедия русских суеверий. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 624 с.
26. Валенцова В.В. Шерсть // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. – М.: Междунар. отношения, 2002. – С. 492–493.
27. Белова О.В. Цвет // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. – М.: Междунар. отношения, 2002. – С. 481–482.
28. Афанасьев А.Н. Свет и тьма // Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. – М.: Индрик, 1995. – Т. 1. – С. 56–113.

Поступила в редакцию
05.11.2019

Ивашина Надежда Сергеевна, ассистент кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики

Московский энергетический институт
Красноказарменная улица, д. 14, г. Москва, 111250, Россия
E-mail: nadyha.92@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2020, vol. 162, no. 5, pp. 144–158

doi: 10.26907/2541-7738.2020.5.144-158

Internal Form of Female Boggart Nominations in Different Regions of Russia

N.S. Ivashinina

Moscow Power Engineering Institute, Moscow, 111250 Russia
E-mail: nadyha.92@mail.ru

Received November 5, 2019

Abstract

Dialect nominations of female boggarts in different regions of Russia were investigated. In the Russian dialect worldview, female boggarts are very important. However, little has been known about them, because boggarts are nowadays commonly associated with mythological creatures of the male gender. As a result of the study, the semantic portrait of a female boggart was made using a specific set of semes revealed by the analysis of the internal forms of lexical units (according to W. von Humboldt, A.A. Potebnya, and N.F. Alefirenko). The internal form of the word is seen as the closest etymological meaning of the word and its denotation. Recordings of Russian dialect speakers were carried out with the help of the continuous sampling method. The following three most interesting lexical-semantic groups of names of female boggarts in terms of motivation were considered: place of living, typical actions and behavior, appearance (color, hair, etc.). Special attention was paid to national gender stereotypification of the studied dialect expressions (A.V. Kirilina, L.V. Markina). A number of examples were provided to demonstrate non-typical national ideas about boggarts with regard to the gender semantics of female boggart nominations.

Keywords: female boggart, internal form of word, semantic portrait, etymological meaning, gender stereotype

References

1. Zabylin M. *Russkii narod. Ego obychai, obryady, predaniya, sueveriya i poeziya* [Russian People. Their Customs, Rituals, Traditions, Superstitions, and Poetry]. Moscow, Inst. Russ. Tsiviliz., 2014. 688 p. (In Russian)
2. Uspenskii B.A. *Filologicheskie razyskaniya v oblasti slavyanskikh drevnostei* [Philological Research on Slavic Antiquities]. Moscow, Izd. Mosk. Univ., 1952. 248 p. (In Russian)
3. Pomerantseva E.V. Stories about boggarts. In: Pomerantseva E.V. *Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klоре* [Mythological Characters in Russian Folklore]. Moscow, Nauka, 1975, pp. 92–117. (In Russian)
4. Krinichnaya N.A. *Russkaya mifologiya: Mir obrazov fol'klora* [Russian Mythology: The World of Folklore Images]. Moscow, Akad. Proekt, Gaudeamus, 2004. 1008 p. (In Russian)
5. Goleva T.G. *Mifologicheskie personazhi v sisteme mirovozzreniya komi-permyakov* [Mythological Characters in the Komi-Permian Worldview System]. St. Petersburg, Mamatov, 2011. 154 p. (In Russian)
6. Levkievskaya E.E. Iron. In: *Slavyanskaya mifologiya: Entsiklopedicheskii slovar'* [Slavic Mythology: Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Mezhdunar. Otn., 2002, pp. 159–160. (In Russian)
7. Cherepanova O.A. Mythological vocabulary of the Russian language. *Doct. Philol. Diss.* Moscow, 1983. 434 p. (In Russian)
8. Berezovich E.L. “Demons fooled around, played tricks...”: On the origin of the Russian demonym *kulesh*. *Demonologiya kak semioticheskaya sistema: Tez. dokl. IV Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 15–17 iyunya 2016 g.)* [Demonology as a Semiotic System: Proc. IV Int. Sci. Conf. (Moscow, June 15–17, 2016)]. Moscow, RGGU, 2016, pp. 19–26. (In Russian)
9. Markina L.V. Gender stereotypes in dialect communication (based on expletive nominations of females). *Rusistika i Komparativistika*, 2019, no. 13, pp. 245–254. (In Russian)
10. Humboldt W. von. Comparative study of languages in different eras of their development. In: Zvegintsev V.A. *Istoriya yazykoznaniya XIX – XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh* [History of Language Studies in the 19th – 20th Centuries in Essays and Abstracts]. Pt. 1. Moscow, Prosveshchenie, 1964, pp. 307–323. (In Russian)
11. Humboldt W. von. On differences in the structure of human languages and their influence on the spiritual development of humans. In: Humboldt W. von. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected Works on Linguistics]. Moscow, Progress, 2001, pp. 37–298. (In Russian)
12. Potebnya A.A. Language of feelings and language of thoughts. In: Potebnya A.A. *Polnoe sobranie trudov* [Complete Works], Vol. 1: Thought and language. Moscow, Labirint, 1999, pp. 90–110. (In Russian)
13. Potebnya A.A. *Iz zapisok po russkoi grammatike* [From Notes on Russian Grammar]. Vol. 1. Voronezh, Tip. N.D. Gol'dshteina, 1874. 161 p. (In Russian)
14. Maslov Yu.S. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to Linguistics]. Moscow, Akademiya, 2005. 304 p. (In Russian)
15. Alefirenko N.F. *Spornye problemy semantiki* [Controversial Problems of Semantics]. Moscow, Gnozis, 2005. 326 p. (In Russian)
16. Zaliznyak A.A. Polysemy in language and ways of its representation. *Doct. Philol. Sci. Diss.* Moscow, 2002. 461 p. (In Russian)
17. Potebnya A.A. *Slovo i mif* [Word and Myth]. Moscow, Pravda, 1989. 624 p. (In Russian)
18. Pervukhina S.V. The semantic portrait of Jesus Christ in the translated version of New International Version Bible. *Cand. Philol. Diss.* Volgograd, 2003. 159 p. (In Russian)
19. Yakushevich I.V. *Simvol “dom” v russkom yazyke i poeticheskom tekste* [The Symbol of Home in the Russian Language and Poetic Text]. Vladimir, Tranzit-IKS, 2018. 182 p. (In Russian)
20. Efimenko A. *Issledovaniya narodnoi zhizni: Obychnoe pravo* [Studies of People’s Life: Customary Law]. Moscow, V.I. Kasperov, 1884, no. 1. 398 p. (In Russian)
21. Yakushevich I.V. The symbolic model of *oven – man* in dialect vocabulary. In: *Yazykovye kategorii i edinytsy: sintagmicheskii aspekt: Materialy XIII Mezhdunar. nauch. konf. (Vladimir, 24–26 sent. 2019)* [Linguistic Categories and Units: Syntagmatic Aspect: Proc. XIII Int. Sci. Conf. (Vladimir, Sept. 24–26, 2019)]. Vladimir, Tranzit-IKS, 2019, pp. 481–485. (In Russian)

22. Agapkina T.A. The symbolism of the familiar space: Corner. In: *Prostranstvo i vremya v yazyke i kul'ture* [Space and Time in Language and Culture]. Moscow, Indrik, 2011, pp. 13–53. (In Russian)
23. Ryabtsev Yu.S. *Istoriya russkoi kul'tury. Khudozhestvennaya zhizn' i byt XI – XVII vv.* [History of Russian Culture. Artistic Activity and Everyday Life in the 11th – 17th Centuries]. Moscow, Vlos, 1997. 336 p. (In Russian)
24. Ushakov D. Materials on Great Russians' beliefs. *Etnograficheskoe Obozrenie. God 8-i, 1896.* Moscow, T-vo. Skoropech. A.A. Levenson, 1897, nos. 2–3, books 29–30, pp. 146–204. (In Russian)
25. Vlasova M. *Entsiklopediya russkikh sueverii* [Encyclopedia of Russian Superstitions]. St. Petersburg, Azbuka-Klassika, 2008. 624 p. (In Russian)
26. Valentsova V.V. Wool. In: *Slavyanskaya mifologiya: Entsiklopedicheskii slovar'* [Slavic Mythology: Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Mezhdunar. Otn., 2002, pp. 492–493. (In Russian)
27. Belova O.V. Color. In: *Slavyanskaya mifologiya: Entsiklopedicheskii slovar'* [Slavic Mythology: Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Mezhdunar. Otn., 2002, pp. 481–482. (In Russian)
28. Afanas'ev A.N. Light and darkness. In: Afanas'ev A.N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu* [Poetic Views of the Slavs on Nature]. Vol. 1. Moscow, Indrik, 1995, pp. 56–113. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Ивашина Н.С. Внутренняя форма номинаций домовых женского пола в русских народных говорах // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 5. – С. 144–158. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.5.144-158. ⟩

⟨ **For citation:** Ivashina N.S. Internal form of female boggart nominations in different regions of Russia. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 5, pp. 144–158. doi: 10.26907/2541-7738.2020.5.144-158. (In Russian) ⟩